
Протопопъ Аввакумъ, какъ противникъ церковной ре- формы патриарха Никона.

(Продолженіе).

Увѣренно, много и охотно во всѣхъ своихъ писаніяхъ, рассказывая о своихъ чудесахъ и видѣніяхъ, о своей оче- видной большой угодности предъ Господомъ Богомъ, Аввакумъ всетаки иногда приходитъ въ такое настроеніе, при которомъ какъ будто начинаетъ сознавать, что подобными рассказами онъ переходитъ всякія границы самой невзыскательной скромности и что, пожалуй, и самимъ вѣрующимъ его ученикамъ, самовосхваляющіе рассказы его о бывшихъ съ нимъ чудесахъ могутъ показаться маловѣроятными, созданными его одностороннею, болѣзненно настроенною фантазіею, вездѣ видящій то, чего въ дѣйствительности не было, да и не могло быть. Въ рѣдкія минуты такой болѣе спокойной и трезвой настроенности Аввакумъ, рассказавъ о какомъ нибудь бывшемъ съ нимъ чудѣ, сейчасъ же стремится всячески унижить себя въ глазахъ своихъ почитателей—послѣдователей, но дѣлаетъ это довольно своеобразно. Рассказавъ, какъ онъ было за обѣдомъ подавился, какъ окружающіе его старшіе домочадцы „колотили его много въ спину, да и покинули, не вижу ужъ людей и памяти не стало“, онъ затѣмъ сообщаетъ, что его небольшая младшая дочь, неожиданно для всѣхъ, „росбежався лохтишками своими ударила въ мою спину и крови печенье изъ горла рыгнуло и дашыть стала“. Умиленный такимъ чудомъ протопопъ вдается, поѣтому поводу, въ такія назидательныя размышленія: „чудно гораздо сіе, старецъ, — промысль Божій ребенка наставилъ, пророка отъ смерти избавилъ. Дни

съ три у меня зелень горькая изъ горла текла, не могъ ни ѣсть, ни говорить: сіе мнѣ наказаніе за то, чтобъ я не величался предъ Богомъ совѣстію своею... Не величайся, дуракъ, тѣмъ, что Богъ сотворилъ во славу свою чрезъ тебя какое дѣло, прославляя свое пресвятое имя... А ты су какой святой?.. И величаешься грязь худая: я су бѣсовъ изгонялъ, то, се дѣлалъ, а себѣ не могъ помощи, только бы не ребенокъ. Ну помни же себя, что нѣтъ тебя ни сошто, аще не Господь что сотворить“¹⁾. Въ этомъ, кажущемся смиренномъ сознаніи своей личной немощности и недостойности, однако такъ и сквозить, такъ, изъ за смиренныхъ словъ, и пробивается наружу самомнѣніе ослѣпленнаго своею святостію человекъ. Или, на примѣръ, Аввакумъ говоритъ о себѣ: „не знаю дни коротать какъ! Слабоуміемъ объять, и лицемѣріемъ и лжею покрытъ есмь, братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ, во осужденіи всѣхъ человекъ погибаю. И мняся нѣчто быти, а каль и гной есмь, окаянный,—прямое г...о! Отвсюду воняю,—душею и тѣломъ. Хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиніями въ конурахъ: такъ де и онѣ воняють, что и моя душа, злосмрадною воню. Да свиніи и псы по естеству; а я отъ грѣховъ воняю, яко песь мертвой, поверженъ на улицѣ градѣ. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землю меня закрыли! Себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблазняю. Ей, добро такъ!“²⁾. Но эти смиренныя изліянія, о своей грѣховности и ничтожности предъ Богомъ, дѣлаются Аввакумомъ только изъ приличія, съ плохо замаскированной цѣлію внушить читателю ту мысль, что де протопопъ чудотворецъ самъ-то о себѣ думаетъ невысоко, а наоборотъ,—очень смиренно и даже уничижительно, только дѣла его, помимо его воли, невольно являютъ его великимъ и славнымъ угодникомъ Божиимъ. Но если бы кто и послѣ этого усумнился въ умѣстности разсказовъ Аввакума о своей святости, своихъ чудесахъ и видѣніяхъ, то это сомнѣніе окончательно уничтожалось тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь онъ—протопопъ Аввакумъ въ этомъ случаѣ только слѣдуетъ примѣру самихъ апостоловъ и особенно апостола Павла,—дѣяніе, поэтому, съ его стороны во-

1) А. К. Бороздинъ: Прот. Аввакумъ, прил. стр. 115.

2) Матер. V, стр. 95.

все непредосудительнее. Вотъ какую рѣчь по этому поводу ведетъ о себѣ Аввакумъ: „Иное было, кажется, про житіе-то мнѣ и ненадобно говорить; да прочтохъ Дѣянія Апостольская и посланія Павловы,—Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаеть въ нихъ. Не намъ, Богу нашему слава. А я ничто же есмь. Рекохъ и паки реку: азъ есмь человѣкъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникомъ и всякому человѣку, лицемеръ окаянный. Простите же и молитесь о мнѣ; а я о васъ долженъ, чтушихъ и послушающихъ. Болши того жить не умѣю; а что здѣлаю я, то людямъ и сказываю: пускай Богу молятся о мнѣ! Въ день вѣка вси же тамъ познають содѣланная мною, или благая, или злая“. И сейчасъ же къ этому разсужденію о себѣ Аввакумъ присоединяетъ такое много-значительное замѣчаніе: „но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, яко же и Апостоль глаголетъ: *аще и неждо словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. гл. 11, ст. 6)¹⁾, т. е. что хотя онъ, протопопъ Аввакумъ, человѣкъ и неученый, но настоящую цѣну себѣ хорошо знаетъ. Понятно также, что приписывая себѣ небывалыя съ нимъ преступленія: убійство, воровство и пр. Аввакумъ прекрасно зналъ, что его почитатели ни чему этому не повѣрятъ, а только еще болѣе будутъ прославлять его за истинно-христіанское его смиреніе и самоуничженіе.

Повидимому простые, безыскусственные, и часто очень наивные, разсказы Аввакума о своихъ похожденияхъ и страданіяхъ, о своихъ подвигахъ на защиту правой вѣры и истиннаго благочестія, всѣ имѣли однако одну очень ясную, опредѣленную практическую цѣль: показать и доказать читателямъ, что онъ—протопопъ Аввакумъ есть несомнѣнный избранникъ Божій, постоянно находящійся подъ высшимъ божественнымъ водительствомъ, что онъ человѣкъ высокой святой жизни, сподобившійся получить отъ Бога рѣдкій великій даръ чудотвореній, и что его—протопопа Аввакума, живущаго на землѣ, Господь Богъ прославляетъ однако такъ, какъ онъ прославляетъ другихъ угодниковъ Божіихъ только послѣ ихъ смерти. Протопопъ въ своихъ разсказахъ

¹⁾ Матер. V, стр. 90.

о себѣ, если такъ можно выразиться, самъ любитъ на свою собственную необычайную святость, на свои необыкновенныя сверхъестественныя благодатныя дарованія, на свои подвиги и злостраданія за правую вѣру. Трудно найти въ исторіи другой примѣръ такого откровеннаго, беззащитнаго, публично заявляемаго самоумианія и самообожанія на почвѣ своей святости и угодности предъ Богомъ, трудно встрѣтить другого человѣка, находящагося въ здоровомъ умѣ, который бы, подобно пророку Аввакуму, еще при жизни, публично, въ слухъ всѣхъ самъ себя, въ своихъ собственныхъ писаніяхъ, смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, прославлялъ какъ великаго чудотворца и несомнѣннаго великаго угодника Божія, а въ то же время считалъ бы себя истиннымъ, настоящимъ христианиномъ, для котораго глубокое, постоянное и искреннее сознаніе своей немощности, своей полной грѣховности и недостойности предъ Богомъ, всегда и во всѣхъ положеніяхъ обязательно.

Съ другой стороны несомнѣнно и то, что самовосхваленіе и самопрославленіе въ разсказахъ Аввакума является у него не слѣдствіемъ его простоты и какой либо чисто дѣтской наивности, какъ это можно было бы подумать, а сознательнымъ хорошо обдуманымъ и рассчитаннымъ приемомъ пропаганды. Всѣми разсказами о своихъ чудесахъ, бывшихъ ему необыкновенныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ, Аввакумъ преслѣдуетъ одну опредѣленную, ясно намѣченную имъ цѣль: убѣдить всѣхъ своихъ читателей, что истина, правда на сторонѣ его—пророка Аввакума, такъ какъ за нимъ и всѣми его дѣйствіями стоятъ: самъ Господь Богъ, пресвятая Богородица, ангелы и всѣ святые; между тѣмъ какъ изъ за его противниковъ-никоніанъ обязательно, болѣе или менѣе замѣтно, всегда и во всемъ виднѣются: латиняне и другіе всевозможные древніе и новые еретики, антихристъ и даже самъ сатана. Понятно послѣ этого, что вѣрующимъ не зачѣмъ было задумываться или колебаться при рѣшеніи вопроса: гдѣ имъ и у кого слѣдуетъ искать святую спасающую человѣка истину, и гдѣ и у кого находятся только ложь, обманъ, погибель для души. Для нихъ, изъ разсказовъ Аввакума, ясно становилось, за кѣмъ имъ слѣдуетъ идти: за святымъ-ли угодникомъ Божиимъ, такъ явственно и опредѣ-

ленно запечатлѣннымъ Божиимъ благоволеніемъ во всѣхъ его дѣлахъ и поступкахъ, или за его заклятыми врагами,—нечестивыми и прескверными никоніанами? Выборъ для всякаго настолько казался, и по мнѣнію самого Аввакума, очевиднымъ, что онъ самъ всѣхъ несогласныхъ съ нимъ въ чемъ либо представляетъ: или дураками, ничего незнающими и не понимающими въ божественномъ, или крайними нечестивцами, которымъ ихъ нечестіе закрываетъ очевидную истину; или гнусными еретиками, непосредственными орудіями самаго дьявола, который чрезъ нихъ борется съ вѣрными. Такимъ образомъ, всѣ рассказы Аввакума о своей святости и чудесахъ, были въ высшей степени тенденціозны, явно преслѣдовали опредѣленную напередъ намѣченную цѣль: заставить своихъ читателей отвергнуть реформу Никона, какъ проявленіе высшаго и гибельнаго нечестія, и слѣдовать за нимъ—Аввакумомъ, такъ какъ только онъ именно ведетъ всѣхъ по истинному пути къ спасенію, и почему всякое несогласіе въ чемъ бы то ни было съ Аввакумомъ, непризнаніе его высшаго авторитета и руководительства въ дѣлахъ вѣры и благочестія, есть прямое, очевидное отступленіе отъ самой Божественной истины, есть величайшее нечестіе.

Конечно на насъ, столь далекихъ отъ времени рассказчика, столь далекихъ отъ уровня пониманія, взглядовъ и воспримчивости къ чудесному—сверхъестественному тогдашнихъ читателей и почитателей Аввакума, его рассказы о своихъ чудесахъ и видѣніяхъ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ и всякіе дѣтскіе наивные рассказы, которые только дѣтскимъ живымъ воображеніемъ могутъ приниматься за реальную живую дѣйствительность. А если они и сейчасъ читаются и нами съ большимъ интересомъ, то только какъ очень яркое, очень колоритное отраженіе пониманія, воззрѣній и настроенности извѣстной эпохи. Не такими они были въ глазахъ тогдашнихъ читателей Аввакума, проникнутыхъ тѣмъ же житійнымъ міросозерцаніемъ, тою же предрасположенностію и воспримчивостію ко всему чудесному и сверхъестественному въ сферѣ религиозныхъ вѣрованій и убѣжденій, тою же вѣрою, что весь міръ, такъ сказать, кишитъ всякими бѣсами, которые постоянно вмѣшиваются въ жизнь cadaго человѣка, внося въ нее все

дурное и нечистое, и что для борьбы съ ихъ тлетворнымъ вліяніемъ нужна особая благодатная чудодѣйственная сила,— на такихъ читателей рассказы Аввакума производили очень сильное впечатлѣніе, и сильно вооружали ихъ противъ церковной реформы Никона. Когда, напримѣръ, Аввакумъ, находясь въ заключеніи въ боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ, исцѣлилъ тамъ бывшаго своего оскорбителя келаря Никодима, явившись ему во снѣ, то слава объ немъ, какъ великомъ чудотворцѣ и страдальцѣ, быстро распространилась всюду. „Люде же, повѣствуетъ Аввакумъ, безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня: азъ ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ Божиимъ. Въ тѣ времена и врази кон были и тѣ примирились тутъ“. А если бы кто усумнился въ рассказахъ Аввакума о бывшихъ съ нимъ чудесахъ и знаменіяхъ, то его великія страданія, которыя были уже вполне реальны и у всѣхъ на глазахъ,—эти страданія заглушали сомнѣнія скептиковъ и привлекали къ нему очень и очень многихъ.

Такимъ образомъ Аввакумъ самъ считалъ себя человѣкомъ, призваннымъ Богомъ на борьбу за правую вѣру, которая гибнетъ отъ никоніанскихъ реформъ, и что Господь посылаетъ ему особая знаменія и видѣнія, творить ради его очевидныя чудеса. Понятно само собою, что такой человѣкъ не можетъ, во первыхъ, погрѣшать и заблуждаться въ дѣлахъ вѣры и благочестія,—Господь не допуститъ его до этого; во вторыхъ, такой человѣкъ не можетъ и ослабѣвать въ борьбѣ, оставлять ее подъ какимъ либо предлогомъ, не можетъ изъ своихъ правыхъ убѣжденій поступиться хотя бы самымъ повидимому малымъ и незначительнымъ, не можетъ идти ни на какіе компромиссы со своими противниками, такъ какъ это бы означало измѣнить своему призванію, обмануть и оскорбить призвавшаго его Господа, и навѣки погубить великое святое дѣло и самого себя. Въ виду этого Аввакумъ долженъ былъ идти всегда, безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, только однимъ путемъ, пройти его, не останавливаясь, до конца, несмотря ни на какія скорби, лишенія, страданія и казни; онъ постоянно долженъ былъ быть готовъ отдать за свое дѣло самую свою жизнь, лишь бы только остаться во всемъ вѣрнымъ до конца своему великому и святому призванію. Понятно также и то, что разу-

сбднть этого человѣка въ томъ, что онъ считаль своимъ призваніемъ, что онъ принималь за истину, заставить его въ чемъ либо измѣнить разъ усвоенныя имъ воззрѣнія и убѣжденія, было дѣломъ совсѣмъ безнадежнымъ: это бы значило для Аввакума родиться вновь, а такое новое рожденіе было для него невозможно, такъ какъ ни въ его прошломъ, ни въ его настоящемъ, ни въ строѣ и характерѣ всей его духовной натуры, не было къ тому рѣшительно никакихъ данныхъ. Основные принципы всей своей жизни и дѣятельности, которымъ онъ никогда не измѣняль, формулированы имъ ясно, твердо и опредѣленно: „мучься за сложеніе персть, не разсуждай много!.. Держу до смерти якоже пріяхъ; не прелагаю предѣль вѣчныхъ. До насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ!.. Не передвигаемъ вещей церковныхъ съ мѣста на мѣсто. Идѣже святіи положиша что, то тутъ и лежи. Иже что, хотя малое перемѣнить, да будетъ проклять!.. Держи, христіанинъ, церковная неизмѣнно, и благословенъ будеши Богомъ и нами грѣшными.. Отдайте матери нашей (т. е. церкви) имѣніе все, и азъ—отъ, которой передвинули на иное мѣсто, положите на старомъ мѣстѣ, гдѣ отъ святыхъ отецъ положенъ былъ“¹⁾. Очевидно ни на какія новшества, ни на какое усвоеніе новаго круга понятій, болѣе широкихъ воззрѣній и пониманія церковности, Аввакумъ не былъ способенъ,—Аввакумъ и новшества, это—два понятія совершенно несомѣстимыя, какъ исключаящія себя взаимно.

А между тѣмъ царь нарочно вызваль Аввакума изъ Сибири въ Москву. Зачѣмъ его, противника церковной реформы, сюда вызвали?

Думать, что Аввакума вызвала въ Москву боярская, враждебная Никону, придворная партія, чтобы усилить себя этимъ заклятымъ врагомъ Никона, нѣтъ ни какихъ серьезныхъ основаній. Аввакумъ воротился въ Москву только въ 1664 году, когда о возвращеніи Никона на патріаршую кафедру нельзя было уже и думать, когда въ Москвѣ уже ве-

¹⁾ Матер. V, 59, 220, 275, 368, 84. Подъ *азомъ*, передвинутымъ никоніанами на другое мѣсто, конечно разумѣется *азъ*, находившійся въ символѣ, до его исправленія при Никонѣ, въ словахъ: „рожденна, а не сотворенна“.

лись дѣятельные переговоры о приглашеніи самихъ восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ и когда, слѣдовательно, судьба Никона, какъ патріарха, предрѣшена была окончательно и безповоротно и онъ ничѣмъ не могъ быть опасенъ для бояръ. Присутствіе Аввакума въ Москвѣ, въ связи съ положеніемъ дѣла Никона, ничего новаго и цѣннаго не могло дать, и потому его вызовъ въ Москву, по поводу дѣла Никона, являлся совершенно безцѣльнымъ. Нельзя думать и того, что Аввакума вызвали въ Москву въ цѣляхъ вознаградить его за суровую расправу съ нимъ Никона. Для этого не зачѣмъ было вызывать Аввакума именно въ Москву, а можно было оставить его соборнымъ протопопомъ въ Тобольскѣ, чѣмъ онъ, повидимому, былъ до своей ссылки въ Дауры, тѣмъ болѣе что Аввакумъ никогда не былъ московскимъ протопопомъ, а проживалъ ранѣе въ Москвѣ случайно, какъ безмѣстный протопопъ. Между тѣмъ, спустя уже несколько лѣтъ послѣ оставленія Никономъ патріаршей кафедры, Аввакумъ, самимъ государемъ, былъ вызванъ въ Москву и вызванъ, конечно, съ особою цѣлюю.

Мы знаемъ, что царскій духовникъ, протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ, во все время своей жизни старался примирить съ Никономъ его главнаго и вліятельнѣйшаго тогда врага—Іоанна Неронова, но умеръ не достигнувъ этой цѣли. Мы знаемъ, что миротворческая роль Стефана находила себѣ полную поддержку и одобреніе со стороны царя, который, въ интересахъ мира, даже прикрывалъ Неронова отъ розысковъ разгнѣваннаго Никона и, послѣ смерти Стефана, стремился осуществить его всегдѣшнее желаніе: примирить Неронова съ Никономъ. Къ великому удовольствію царя и, конечно, при такомъ или иномъ его содѣйствіи, Нероновъ примирился если не лично съ Никономъ, то съ церковію, тѣмъ болѣе что до поры до времени ему разрѣшено было служить по старымъ служебникамъ. Это примиреніе Неронова имѣло въ глазахъ царя очень важное значеніе. Нероновъ былъ, какъ мы знаемъ, очень видный и вліятельный человекъ, имѣвшій за собою многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей. Естественно было, что его примиреніе повело за собою и примиреніе съ церковію многихъ его послѣдователей, которые пошли въ этомъ дѣлѣ по слѣдамъ своего главы и учителя. Острое противодѣйствіе церковной реформѣ на-

чало въ Москвѣ по немногу затихать, сглаживаться, и впереди многимъ, и конечно царю, уже виднѣлся полный миръ церкви и, въ концѣ, постепенное всеобщее признаніе совершенныхъ церковныхъ реформъ. И вотъ въ это время въ Москвѣ получаютъ вѣсти, что въ Сибири огнепальный ссыльный протопошъ Аввакумъ всюду громить никоніанскія новшества, призываетъ всѣхъ стать на защиту родной поруганной святой старины, что онъ находитъ себѣ всюду многочисленныхъ послѣдователей и что его призывъ къ борьбѣ съ новаторами и развратителями церкви встрѣчаетъ полное сочувствіе у очень многихъ. Значить, съ Нероновымъ дѣло уладили, а на его мѣсто явился другой, можетъ быть еще болѣе сильный и опасный борець. Царь ранѣе лично нѣсколько зналъ Аввакума, зналъ его какъ человѣка строгой благочестивой жизни, всецѣло преданнаго церкви, готоваго всячески постоять, какъ тогда говорили, за церковные догматы, или, что тоже, за церковные обряды, и потому увидѣлъ въ немъ человѣка очень опаснаго для мира всей церкви. Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ и Аввакума примирить съ церковною реформою такъ же, какъ онъ ранѣе примирилъ съ нею Неронова, даже подъ условіемъ сдѣлать Аввакуму ту же уступку, какая была сдѣлана Неронову, т. е. дозволить ему служить по старымъ служебникамъ. Въ этихъ именно видахъ царь и рѣшилъ вызвать Аввакума въ Москву. Это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ того приема, какой Аввакуму сдѣланъ былъ въ Москвѣ, и изъ многочисленныхъ посылокъ царемъ разныхъ лицъ уговаривать Аввакума соединиться съ церковію.

Аввакумъ, недогадывавшійся зачѣмъ царь изъ Сибири вызвалъ его въ Москву, рассказываетъ, какъ его приняли въ Москвѣ и какъ къ нему здѣсь относились, слѣдующее: „къ Москвѣ пріѣхалъ, и яко ангела Божія пріяша мя государь и бояра—всѣ мене рады! Къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ: онъ самъ изъ полатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ мене, и учали говорить съ нимъ много,—три дни и три ночи домой меня не отпустилъ, и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ велѣлъ поставить, и слова милостивые говорилъ: здорово ли де, протопошъ, живешь? еще-де видатца Богъ велѣлъ! И я сопротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: живъ Господь, жива

душа моя, царь-государь; а впредь что изволить Богъ! Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошолъ куды надобѣ ему. Пинное кое-что было, да что много говорить! Прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремль, и въ походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а самъ говорилъ: благослови-де меня и помолися о мнѣ! И шапку въ иную пору мурманку, снимаючи съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ! И изъ кореты высунется бывало ко мнѣ. Таже и вси бояра, послѣ его, челомъ: протопопъ, благослови и молися о насъ! Какъ мнѣ су царя того и бояръ гѣхъ не жалѣть! Жаль о су! видишь, каковы были добры! Да и нынѣ онѣ не лихи до мене; діаволь лихъ до мене, а человекѣки вси до мене добры. Давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, *что бѣ я съ ними соединился въ вѣръ*; азъ же сія вся яко уметы вмѣнилъ, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сія мимо идетъ“¹⁾. Итакъ самъ Аввакумъ признаетъ, что въ Москвѣ, послѣ его возвращенія, къ нему отнеслись—и царь и бояре—особенно внимательно и ласково, и что ему предлагали какое угодно мѣсто, даже мѣсто царскаго духовника, но только подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: „что бѣ я съ ними соединился въ вѣрѣ“. Аввакумъ отказался. Но простымъ отказомъ онъ не ограничился, а вскорѣ подалъ государю особую челобитную, въ которой выразилъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе церковныхъ дѣлъ и свое отношеніе къ нимъ.

Въ своей челобитной Аввакумъ обращается къ царю: „Государь нашъ свѣтъ! что ти возглаголю, яко отъ гроба возставъ изъ далняго заключенія, отъ радости великія обливаяся многими слезами,—свое ли смертоносное житіе возвѣщу тебѣ свѣту, или о церковномъ раздорѣ реку тебѣ—свѣту? Я чаялъ, живучи на востокѣ въ смертѣхъ многихъ, тишину здѣсь въ Москвѣ быти; а нынѣ увидѣлъ церковъ паче и прежняго смущенну... Воистинно, государь, смущенна церковъ“. И чтобы вѣрнѣе повліять на царя и заставить слѣдовать за собою, Аввакумъ прибѣгаетъ къ обычному своему средству: рассказываетъ царю про одно видѣніе, которое „показалъ ему Богъ“ еще въ Тобольскѣ и изъ котораго

¹⁾ Матер. V, 59—60.

царь ясно долженъ былъ увидѣть, что церковныя реформы Никона противны Богу, такъ какъ безчестятъ Духа Святаго и Христа: „неистинна глаголють Духа Святаго быти и Христа Сына Божія на небеси не царя быти во исповѣданіи своея вѣры.“ Желая затѣмъ подѣйствовать на царя, какъ на правителя государства, заботящагося о благѣ, покоѣ и мирной жизни своихъ подданныхъ, Аввакумъ увѣряетъ его, что именно ради реформъ Никона государство подверглось въ послѣднее время различнымъ бѣдствіямъ. „Моровое повѣтріе, говоритъ онъ, немало намъ знаменіе было отъ никовыхъ затѣкъ, и агарянской мечъ стоитъ десять лѣтъ безпрестано, отнелѣже раздраль онъ церковь“. И вспоминая старину, когда на царя имѣлъ особенно сильное вліяніе покровитель и благодѣтель Аввакума—царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевичъ, онъ говоритъ: „добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко все быша тихо и немятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія: понеже не губилъ никого Стефанъ до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрять на убіеніе. Тебѣ—свѣту самому житіе ево вѣстно“. Снова обращаясь къ современному положенію церковныхъ дѣлъ Аввакумъ рѣшительно заявляетъ: „увы души моеи бѣдной! Лучши бы мнѣ въ пустыни Даурской, со звѣрми живучи, конецъ пріяти, нежели нынѣ слышу во церквахъ Христа моего глаголющей невоскресша. Вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государю, отъ доуки нашей. Государь—свѣтъ, православный царь! Не сладко и намъ, егда ребра наша ломають и, развязавъ насъ, кнутѣмъ мучать, и томятъ на морозѣ гладомъ. А все церкви ради Божія стражемъ. Изволи, государь, съ долготерпѣніемъ послушать, и я тебѣ—свѣту о своихъ бѣдахъ и налестехъ возвѣщу немного.“ Затѣмъ онъ коротко описываетъ тѣ страданія, лишенія и истязанія, какія онъ потерпѣлъ отъ другихъ за разное время своей жизни, до своего послѣдняго прибытія въ Москву, и потомъ говоритъ царю: „а душа моя пріяти ево (Никона) новыхъ законовъ беззаконныхъ не хочетъ. И во откровеніи ми отъ Бога бысть се, яко мерзокъ онъ предъ Богомъ Никонъ. Аще и льститъ тебѣ, государю—свѣту, яко Арій древнему Константину; но погубилъ въ Руси всѣ твои государевы люди душею и тѣломъ, и хотящи ево новые законы пріяти на страшнемъ судѣ будутъ слыть *никоніане*, яко древніе *аріане*.“

Христа онъ, Никонъ, не исповѣдуетъ въ плоть пришедша; Христа не исповѣдуетъ нынѣ царя быти и воскресеніе ево, яко юдѣи, скрываетъ; онъ же глаголетъ неистинна Духа Святаго; и сложеніе креста въ перстѣхъ разрушаетъ; и истинное метаніе въ поклонахъ отсѣкаетъ, и многихъ ересей люди Божія и твоя наполнилъ; индѣ напечатано духу лукавому молимся.“ Высказавши главныя обвиненія противъ реформъ Никона, показавъ ихъ нечестіе и еретичество, Аввакумъ подходитъ къ конечной главной цѣли своей челобитной. „Охъ души моей и горе! восклицаетъ онъ. Говорить много не смѣю, тебя бы свѣта не опечалить; а время отложить служебники новые и всѣ его никоновы затѣйки дурныя! Воистинно, государь, заблудилъ во всемъ, яко Ѳармось древней. Потщися, государь, изсторгнути злое ево и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не прииде, и огонь съ небесе, или моръ древній, и прочая злая насъ не постигло. А когда сіе злое кореніе исторгнемъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ, яко и прежде никонова патриаршества было, и агарянскій мечъ Богъ уставить и сподобить насъ получитьи вѣчная благая“. Въ заключеніе своей челобитной Аввакумъ выражаетъ царю свое желаніе: „но желаю наединѣ, пишетъ онъ, свѣтлоносное лице твое зрѣти и священнолѣпныхъ устъ твоихъ глаголѣ нѣкій слышати мнѣ на пользу, какъ мнѣ жити“¹⁾.

Эта челобитная показала государю, что Аввакумъ крѣпкій, убѣжденный сторонникъ русской церковной старины, и что онъ добивается собственно полной отмѣны произведенной церковной реформы и всецѣлаго возвращенія къ старымъ церковнымъ порядкамъ, при которыхъ „никоновы затѣйки“ не имѣли бы мѣста. Само собою понятно, что если Аввакумъ въ такомъ духѣ писалъ самому царю, то тѣмъ болѣе рѣшительно и настойчиво онъ проводилъ свои излюбленныя идеи среди своихъ почитателей и всѣхъ вообще, кто только желалъ слушать его рѣчи, а такихъ людей находилось въ Москвѣ очень много, даже въ высшемъ московскомъ боярскомъ кругу, съ которымъ Аввакумъ имѣлъ близкія и широкія связи. И вотъ въ начинавшее было нѣсколько успо-

¹⁾ Матер. V, стр. 119—132.

коваться московское общество, пропагандой Аввакума снова внесена была смута, снова стали возникать горячіе споры по разнымъ церковнымъ вопросамъ, снова разыгрывались страсти, снова начались усиленныя отпаденія отъ церкви,—миръ церкви, и въ самой Москвѣ, опять былъ нарушенъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ царь послалъ отъ себя къ Аввакуму Радіона Стрѣшнева уговаривать протопопа, чтобы онъ не говорилъ и не возставалъ противъ произведенной церковной реформы, или, какъ выражается самъ Аввакумъ, „что бъ я молчалъ“. На этотъ разъ Аввакумъ какъ будто нѣсколько поддался увѣщаніямъ. „И я, говоритъ онъ, потѣшилъ его: царь то есть отъ Бога учиненъ, а се добренькъ до мене,—чаялъ либо помаленку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ Дворѣ книги править: и я радъ сильно—мнѣ то надобно лутче и духовничества ¹⁾. Пожаловалъ (царь), ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 же рублевъ денегъ, Лукіанъ духовникъ 10 рублевъ денегъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же; а дружище наше старое Феодоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть; а про иныхъ нечего и сказывать: всякъ тащить, да несесть всячиною! У свѣта у Феодосіи Прокопьевны Морозовой не выходя жилъ во дворѣ: понеже дочь моя духовная, и сестра ея княгиня Евдокія Прокопьевна дочь же моя. Свѣты мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославскіе покойницы всегда же въ дому были. А къ Феодору Ртищеву братитца со отступниками ходилъ. Да такъ то съ полгода жилъ“ ²⁾.

¹⁾ Заявленіе Аввакума, что будто бы ему посулили посадить его на Печатномъ Дворѣ, т. е. хотѣли передать въ его руки книжную справу, рѣшительно невѣроятно, такъ какъ Аввакумъ, не умѣвшій отличить простую типографскую опечатку отъ настоящаго текста, менѣе всего, конечно, годился въ справщики, не говоря уже о томъ, что пригласить его въ справщики, значило бы отказаться отъ церковной реформы, что было тогда невозможно. Очевидно въ Москвѣ, при видѣ ласково-внимательнаго отношенія царя къ Аввакуму, составлялись разныя предположенія относительно того, какое мѣсто и положеніе займетъ теперь въ Москвѣ Аввакумъ, а онъ подхватывалъ эти толки и предположенія, и принималъ ихъ за намѣренія самаго правительства, которое ихъ вовсе не имѣло.

²⁾ Матер. V, 65--66.

Но долго выдержать своего молчанія Аввакумъ не могъ. Кругомъ его шли горячіе споры, происходили волненія, а онъ, главный виновникъ этихъ споровъ и волненій, молчить и спокойно смотритъ, какъ оуждаемые имъ новыя церковныя порядки все болѣе широко и прочно водворяются въ московскомъ обществѣ, а порядки старыя все болѣе исчезаютъ изъ церковной жизни. При такихъ условіяхъ, казалось ему, молчать невозможно, и Аввакумъ снова выступилъ въ привычной ему роли неутомимаго борца за старину противъ „никоновскихъ затѣекъ“. „Вижу, говоритъ онъ, яко церковное ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ: паки заворчалъ,—написалъ царю многоко-таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ, и мати нашу общую святую церковь отъ ересей оборонилъ, и на престолъ бы патріаршескій пастья православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика. И егда письмо изготавилъ, занемоглось мнѣ гораздо, и я выслалъ царю на переѣздѣ съ сыномъ своимъ духовнымъ Феодоромъ юродивымъ, что послѣ отступники удавили его Феодора на Мезени, повѣся на висѣлицу“. Очень можетъ быть, что къ этой челобитной, которая не дошла до насъ, Аввакумъ присоединилъ еще списокъ тѣхъ лицъ, которые, по его мнѣнію, пригодны были быть архіереями на той или другой каѳедрѣ. По крайней мѣрѣ въ послѣдствіи у игумена Теокиста взята была „протопопова (Аввакума) къ великому государю роспись—кто въ которые владыки годятца“, писанная Аввакумомъ за это время. Изъ челобитной и „росписи“ царь ясно увидалъ, что Аввакумъ не только не мирится съ новыми церковными порядками, не только стремится возстановить старое, но что онъ дерзко вмѣшивается въ самое церковное управленіе, по своимъ цѣлямъ и вкусамъ намѣчаетъ въ архіереи своихъ, преданныхъ старинѣ, лицъ, что онъ думаетъ и стремится верховодить всѣми церковными дѣлами, направлять ихъ по своимъ вкусамъ и идеаламъ. Это было уже слишкомъ, и царь снова охладѣваетъ къ протопопу. Разсказавъ о подачѣ имъ царю второй челобитной, чрезъ юродиваго Феодора, Аввакумъ говоритъ далѣе: „и съ тѣхъ мѣсть царь на меня кручиновать сталъ. Не любо стало, какъ опять я сталъ говорить. Любо имъ, какъ молчу; да мнѣ такъ не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня, и умыслили паки сослать

меня съ Москвы, понеже раби Христови многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвши истину, не стали къ прелестной ихъ службѣ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: власти-де на тебя жалуются; церкви-де ты запустошилъ; поѣдь-де въ ссылку опять. Сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень... А я по городамъ паки людей Божіихъ училъ, а ихъ пестробразныхъ звѣрей обличалъ“¹⁾).

Попытка царя Алексѣя Михайловича примирить Аввакума съ церковію, заставить его хотя бы въ извѣстной части признать совершенныя Никономъ церковныя реформы, дѣйствуя въ этомъ случаѣ на Аввакума ласкою, особымъ вниманіемъ къ нему, своею царскою милостію и уговорами, не имѣла успѣха. Аввакумъ остался твердъ и непреклоненъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не хотѣлъ и въ чемъ либо маломъ поступиться ими.

Но и послѣ этой неудачи, Алексѣй Михайловичъ всетаки еще не терялъ надежды повліять на Аввакума въ смыслѣ примиренія его съ церковію. И по личнымъ побужденіямъ, и уступая просьбамъ и ходатайствамъ московскихъ друзей и почитателей Аввакума, онъ согласился на его пребываніе въ Мезени, вмѣсто Цустозерска, куда собственно Аввакумъ былъ сослалъ. Здѣсь Аввакумъ прожилъ полтора года и, 1-го марта 1666 года, былъ привезенъ въ Москву для соборнаго суда надъ нимъ и его единомышленниками, причемъ его скованнымъ предварительно помѣстили въ боровскомъ Пафнутѣевѣ монастырѣ, гдѣ онъ прожилъ десять недѣль. Здѣсь, по его словамъ, по порученію царя, снова стали его уговаривать: „соединись съ нами Аввакумушко! А я, говоритъ Аввакумъ, отрицаюся, что отъ бѣсоѣ; а онѣ лезутъ въ глаза!“ Увѣщавшій его ярославскій дьяконъ Козьма, послѣ явнаго увѣщанія, втайнѣ однако поддерживалъ Аввакума. „Козма той, говоритъ Аввакумъ, не знаю коего духа человѣкъ: въявѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря; протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца притерпишь! не гляди на насъ, что погибаемъ мы! И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ

¹⁾ Матер. V, стр. 67—67.

ко Христу. И онъ говоритъ: нельзя; Никонъ опуталъ меня! Просто молвить: отрекся предъ Никономъ Христа, такъ же уже, бѣдный не можетъ встать. Я, заплакавъ, благословилъ его горюна: больши того нечего мнѣ дѣлать съ нимъ, вѣдаетъ то Богъ, что будетъ съ нимъ“. Наконецъ рѣшено было Аввакума разстричь, для чего его снова привезли въ Москву, при чемъ, замѣчаетъ онъ, „въ крестовой стязався власти со мною“ т. е. тоже пытались его уговаривать, и только послѣ неуспѣха этихъ уговоровъ, его, вмѣстѣ съ дьякономъ Феодоромъ, разстригли и проклинали. „А я, говоритъ Аввакумъ, ихъ проклиналъ сопротивъ. Зѣло было мятежно въ обѣдню ту тутъ“. Когда Аввакума, послѣ разстриженія, посадили на Угрѣшу, „царь, рассказываетъ онъ, приходилъ въ монастырь: около темницы ходилъ и, постовавъ, опять пошелъ изъ монастыря. Кажется потому и жалъ ему меня; да что,—воля Божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время велико нестроеніе у нихъ бысть съ царицею покойницею; она за насъ стояла тогда, миленькая, напоследокъ и отъ казни отпросила меня“. Послѣ осужденія Аввакума и восточными патриархами, когда его держали то на Угрѣшѣ, то привозили въ Москву, царь посылалъ къ нему всевозможныхъ лицъ снова его уговаривать, чтобы онъ подчинился восточнымъ патриархамъ и примирился съ церковію: въ числѣ посланныхъ отъ царя для увѣщаній Аввакума были и архіереи—крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, и свѣтскія лица—дьякъ Дементій Башмаковъ и бояринъ Артамонъ Матвѣевъ. Всѣ они уговаривали Аввакума „соединиться со вселенскими тѣми хотя небольшимъ чѣмъ“. Но Аввакумъ отвѣчалъ на это посланнымъ царя: „аще и умреть ми Богъ изволить, со отступниками не соединяюся! Ты, реку, мой царь; а имъ до меня какое дѣло? Своего, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюда приволоклися“. Разъ бояринъ Матвѣевъ явился къ Аввакуму съ знаменитымъ тогда у насъ ученымъ старцемъ—Симеономъ Полоцкимъ, и между нимъ и Аввакумомъ, по словамъ послѣдняго, „зѣло было стязаніе много: разошлись яко пьяни, не могъ и поѣсть послѣ крику. Старець (Полоцкій) мнѣ говорилъ: острота, острота тѣлеснаго ума! да лихо упрямяство; а се не умѣетъ науки!“ Въ послѣдній разъ Матвѣевъ, будучи у Аввакума, то уговорами, то угрозами, ста-

рался склонить его къ примиренію. Но всѣ старанія Матвѣева были напрасны: Аввакумъ остался непреклоненъ и на уговоры Матвѣева рѣзко заявилъ: „мнѣ кое общеніе, яко свѣту со тмою, или Христу съ Веліаромъ?“ Матвѣевъ окончательно убѣдился, что никакое примиреніе съ Аввакумомъ невозможно. Оставляя его, онъ „сквозь зубовъ молвилъ: намъ-де съ тобою не сообщно“. Послѣ этого царь прекратилъ всѣ дальнѣйшія попытки примирить съ церковію Аввакума и уже никогда болѣе не возобновлялъ ихъ,—онъ теперь предоставилъ Аввакума его собственной судьбѣ ¹⁾).

Если Алексѣй Михайловичъ употреблялъ съ своей стороны всевозможныя усилія примирить Аввакума съ церковію и тѣмъ заставить его бросить протестъ противъ новыхъ церковныхъ порядковъ, то онъ, такъ сказать, ухаживалъ въ этомъ случаѣ за Аввакумомъ, такъ дорожилъ его примиреніемъ съ церковію, конечно не изъ личныхъ только симпатій и расположенія къ Аввакуму, но и по мотивамъ болѣе глубокимъ и широкимъ, при которыхъ личныя его симпатіи и антипатіи совсѣмъ отодвигались на задній планъ. Послѣ удаленія Никона съ патріаршей кафедры царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлался фактическимъ, дѣйствительнымъ патріархомъ т. е. фактическимъ дѣйствительнымъ главою и управителемъ русской церкви, судьбы которой теперь всѣцѣло находились только въ его рукахъ. Онъ охотно и со всею энергіею, на какую былъ только способенъ, принялся за устройство расшатавшихся послѣ Никона церковныхъ дѣлъ. Человѣкъ очень умный, осторожный и тактичный, не любившій дѣйствовать, подобно Никону, круто и напроломъ, пуская въ ходъ только свою власть и внѣшнія принужденія, Алексѣй Михайловичъ старался дѣйствовать на взволнованное никоновскими реформами общество умиряющимъ и успокоивающимъ образомъ, постепенно приучая его и примиряя съ новыми порядками. Поклонники старины не подвергались прежнимъ беспощаднымъ преслѣдованіямъ и насиліямъ за ихъ убѣжденія, они даже пользовались значительною свободою; но отъ нихъ только обязательно требовалось, чтобы они открыто не возставали противъ новыхъ церковныхъ порядковъ и не хулили ихъ. Въ московскомъ об-

¹⁾ Ibid., стр. 68—71. 81, 118.

шествѣ дѣйствительно началось было нѣкоторое успокоеніе, особенно послѣ примиренія съ церковію Неронова. Алексѣй Михайловичъ прекрасно понялъ, какую громадную, важную и вліятельную силу для общества представляетъ изъ себя горячій, энергичный, опытный и закаленный въ борьбѣ протопопъ Аввакумъ, и какъ важно было бы утилизировать эту крупную силу въ интересахъ мира и спокойствія церкви. Опъ вѣрно рассчитывалъ, что если бы ему удалось привлечь на свою сторону Аввакума, то протестъ противъ церковныхъ реформъ потерялъ бы въ немъ своего авторитетнаго главу, свою важнѣйшую силу и опору, а вмѣстѣ и остроту;—тогда, при тактичномъ и мягкомъ образѣ дальнѣйшихъ дѣйствій, относительно приверженцевъ старины, можно было бы рассчитывать на ихъ постепенное примиреніе съ церковію, можетъ быть и въ недалекомъ будущемъ. Въ этихъ именно видахъ Алексѣй Михайловичъ вызвалъ Аввакума изъ Сибири и всячески старался въ Москвѣ сдѣлать его безвреднымъ для дѣла церковныхъ реформъ, конечно вовсе не считывая встрѣтить въ Аввакумѣ непреодолимое упорство, неспособное ни на какія уступки. Думать такъ Алексѣй Михайловичъ имѣлъ всѣ данныя, такъ какъ въ Москвѣ, даже сами приверженцы и поклонники Аввакума, были очень недовольны его рѣзкимъ, вызывающимъ поведеніемъ, и выражали ему за это свое порицаніе. Въ письмѣ съ Мезени къ игумену Теокисту Аввакумъ пишетъ: „отче Теокисте и вся братія! Я, протопопъ Аввакумъ, предъ Богомъ и предъ вами согрѣшилъ и истину повредилъ: простите мя безумнаго и неразумнаго, имущаго ревность Божию не по разуму. Глаголете ми, яко много вредится истина и лучше бы мнѣ умереть въ Даурахъ, а нежели бы мнѣ быть у васъ на Москвѣ. И то, отче, не моею волею, но Божіею до сего времени живу. Я что я на Москвѣ гной расшевелилъ и еретиковъ раздражилъ своимъ пріѣздомъ изъ Дауръ: и я въ Москву пріѣхалъ прошлаго году не самозванъ, но призванъ благочестивымъ царемъ и привезенъ по грамотамъ. Ушъ то мнѣ такъ Богъ изволилъ быть у васъ на Москвѣ. Не кручиньтесь на меня Господа ради, что моего ради пріѣзда стражете. Аще Богъ по насъ, кто на ны? Кто поемлетъ на избранныя Божія?“¹⁾ Значить, Аввакуму приходилось уси-

¹⁾ Матер. V, стр. 158—159.

ленно оправдываться въ своемъ московскомъ поведеніи даже предъ своими собственными послѣдователями и единомышленниками и, значить, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ основанія рассчитывать на успѣхъ, дѣйствуя относительно Аввакума мягкимъ, примиряющимъ образомъ. И только послѣ усиленныхъ и настойчивыхъ дѣйствій въ этомъ направленіи, убѣдившись въ невозможности обратить Аввакума, царь прервалъ съ нимъ всякія сношенія и, на этотъ разъ, уже навсегда.

Въ Москвѣ отъ Аввакума требовали, чтобы онъ примирился съ церковною реформою Никона. Но для Аввакума это бы значило отказаться отъ признанія себя нарочитымъ избранникомъ и посланникомъ Божиимъ, человѣкомъ, находящимся подъ особымъ водительствомъ неба; значило признать, что онъ обманывался въ бывшихъ ему божественныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ, что онъ постоянно обманывалъ, какъ человѣкъ самообольщенный; и всѣхъ своихъ учениковъ и послѣдователей, когда, въ подтвержденіе истины своей проповѣди, ссылался на бывшія съ нимъ знаменія и чудеса; это бы значило признать себя неправымъ, заблудившимся при выборѣ пути для своего спасенія, а своихъ противниковъ, которыхъ онъ столько лѣтъ всюду и всегда такъ горячо и настойчиво громилъ и бичевалъ, правыми, болѣе его разумными и свѣдущими въ дѣлахъ благочестія, лучше его понимающими тѣ пути и средства, которыя приводятъ человѣка ко спасенію; это бы значило для Аввакума цѣлые годы всевозможныхъ лишеній и страданій, не своихъ только, но и своей семьи,—свою многолѣтнюю, неустанную борьбу съ никоніанствомъ, свои горячія проповѣди къ народу съ призывомъ до смерти постоять за святую родную старину, признать роковою ошибкою, и тѣмъ собственными руками окончательно поставить крестъ на своей многолѣтней подвижнической и, казалось ему, столь славной и полезной для всѣхъ жизни и дѣятельности. Но это было выше силъ Аввакума, — онъ не могъ отказаться отъ самого себя. Болѣе чѣмъ десятилѣтняя ссыльная жизнь въ Сибири сдѣлала для него такой поворотъ невозможнымъ, и онъ смѣло и рѣшительно пошелъ по своему прежнему пути, только сдѣлавшись еще болѣе неуступчивымъ, непримиримымъ и фанатичнымъ.

Если царь Алексѣй Михайловичъ, вызывая Аввакума изъ Сибири въ Москву, имѣлъ въ виду примирить Аввакума съ церковною реформою Никона и тѣмъ сдѣлать его, въ известной степени, орудіемъ для примиренія всего общества съ новыми церковными порядками и водворенія всеобщаго церковнаго мира; то и Аввакумъ, возвращаясь изъ Сибири въ Москву, имѣлъ, съ своей стороны, тоже особые виды на царя: онъ хотѣлъ убѣдить Алексѣя Михайловича отложить всѣ „никоновы затѣйки“ и заставить его всецѣло воротиться къ старымъ до никоновскимъ церковнымъ порядкамъ.

На пути въ Москву изъ Сибири Аввакумъ, по его собственнымъ словамъ, „по весямъ и по селамъ, во церквахъ и на торгахъ кричалъ, проповѣдуя слово Божіе, и уча и обличая безбожную лесь“, и думалъ, что новымъ никоновскимъ порядкамъ теперь уже пришелъ конецъ. Но въ Москвѣ онъ нашелъ совсѣмъ другое: „увидѣлъ церковь паче и прежняго смущену“. Очевидно въ Москвѣ не только не думали о возстановленіи старины, но, какъ мы видѣли, и его Аввакума задумали было привлечь къ никоновскимъ новшествамъ и, во всякомъ случаѣ, настаивали, чтобы онъ не порицалъ и не хулилъ ихъ—этого требовалъ самъ царь, возвратившій его изъ ссылки. Аввакумъ на время дипломатично было замолчалъ, имѣя на то свои разсчеты: „чаялъ либо помаленку (царь) исправится“, замѣчаетъ онъ. Въ видахъ исправленія царя и возвращенія его къ старому благочестію, Аввакумъ подаетъ государю челобитныя, съ цѣлью разъяснить ему истинное положеніе церковныхъ дѣлъ и сообщить ему на нихъ свой правильный взглядъ, затемненный въ царѣ вліяніемъ Никона. Но царь не только остается глухъ къ его заявленіямъ, а все чаще и чаще присылаетъ къ нему разныхъ лицъ съ настойчивымъ предложеніемъ подчиниться церкви. Аввакумъ рѣшительно отказывается, но одному изъ посланныхъ поручаетъ передать царю: „я (т. е. Аввакумъ) не сведу рукъ съ высоты небесныя дондеже Богъ тебя (т. е. царя) отдастъ мнѣ“, т. е. Аввакумъ выражаетъ твердую надежду, что онъ, съ теченіемъ времени, все таки обратитъ царя на истинный путь, съ котораго тотъ сошелъ благодаря Никону. Этой надежды Аввакумъ не покинулъ совсѣмъ и послѣ своего заточенія въ

Пустозерскѣ, какъ это видно изъ его особаго, и уже послѣдняго, впрочемъ, посланія къ царю изъ Пустозерска. Оно начинается такъ: „Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! Многажды писалъ тебѣ прежде и молихомъ тя, да примиришися Богу и умилишися въ раздѣленіи твоёмъ отъ церковнаго тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу изъ темницы, яко изъ гроба, тебѣ глаголю азъ грѣшный протопопъ Аввакумъ: помилуй единородную душу свою и вниди паки въ первое свое благочестіе, въ немъ же ты порожденъ еси, съ прежде бывшими благочестивыми цари, родители своими и съ прародители, и съ нами богомольцы своими во единой святой купели ты освященъ еси“... Призывая царя „внити паки въ первое свое благочестіе“, Аввакумъ затѣмъ спрашиваетъ его, за что онъ ихъ гонитъ и оскорбляетъ? „Что есть ересь наша, пишетъ онъ, или кій расколъ внесохомъ мы въ церковь, яко же блядословятъ о насъ никоніаны, нарицають раскольниками и еретиками въ лукавомъ и богомерзкомъ Жезлѣ, а индѣ и предотечами антихристовыми?... Не вѣмы ни слѣду въ себѣ ересей коихъ, — пощади насъ Сынъ Божій отъ такова нечестія и впредь!—ниже раскольства: Богъ свидѣтель и Пречистая Богородица и вси святіи! Аще мы раскольники и еретики: то и вси святіи отцы наши и прежніе цари благочестивіи и святѣйшія патріарси таковы суть... Кто бы смѣлъ рещи таковыя хульныя глаголы на святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, съ коею правдою хочещи стати на страшномъ судѣ Христовѣ предъ тмы ангельскими и предъ всѣми племены языкѣ вѣрныхъ и зловѣрныхъ. Аще во православіи нашемъ, отеческихъ святыхъ книгахъ и въ догматахъ ихъ, хотя едина ересь и хула на Христа Бога обращетъ и церковь его: то рады мы за нихъ прощатися предъ всѣми православными, паче же за то, аще мы отъ себѣ что внесохомъ соблазновъ въ церковь, или расколы. Но нѣсть, нѣсть! Вся бо церковная права суть разумѣвающимъ истину и здрава обрѣтающимъ разумъ по Христвъ Ісусѣ, а не по стихіямъ сего міра, за нюже мы страждемъ и умираемъ и крови своея проливаемъ“. И считая царя какъ бы окончательно погибающимъ. Аввакумъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „пался еси велико, а не возсталъ, искривленіемъ Никона богоотмѣт-

ника и еретика, а не исправленіемъ; умерь еси по души его ученіемъ, а не воскресь. И не прогнѣвайся, что богоотмѣтникомъ его называемъ. Аще правдою спросишь, и мы скажемъ ти о томъ ясно, и усты къ устамъ, съ очей на очи возвѣстимъ ти велегласно. Аще ли же ни, то пустимъ до Христова суда. Тамъ будетъ и тебѣ тошно; да тогда не пособишь себѣ нимало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда со отступниками не далъ: и ты тамо отвѣщати будеши самъ всѣмъ намъ... Все въ тебѣ, царю, дѣло затворися и о тебѣ единомъ стоитъ. Жаль намъ твоя царскія души и всего дому твоего, зѣло болѣзнуемъ о тебѣ; да пособить не можемъ: понеже самъ ты пользы ко спасенію своему не хочещи“. Но такія рѣчи къ царю вовсе однако не значать, что онъ—Аввакумъ и другіе гонимые, не любятъ царя. Наоборотъ. „Елико, пишетъ Аввакумъ, ты насъ оскорбляеши болши, и мучишь и томишь: толико мы тебя болши любимъ, царя, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ клянущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати къ истинѣ своей! Аще же не обратитесь, строго замѣчаетъ Аввакумъ, то вси погибните вѣчно, а не временно“. И желая показать царю, какъ онъ усердно молится за него, и въ то же время желая произвести на царя особое впечатлѣніе въ пользу защищаемаго имъ дѣла, онъ рассказываетъ ему о своемъ видѣніи, какое ему разъ было, когда онъ молился о царѣ. „Нѣкогда мнѣ молящуся о тебѣ съ горькими слезами, рассказываетъ Аввакумъ царю, отъ вечера и до полунощи зѣло стужающу Божеству, да же бы тебѣ исцѣлитесь душею своею и живу быти предъ нимъ, и отъ труда своего азъ многогрѣшный падохъ на лица своемъ, плакахся и рыдахъ горко, и отъ туги великія забыхся, лежахъ на земли, и видѣхъ тя предъ собою стояща, или ангела твоего, умиленна, подпершия подъ лице правою рукою. Азъ же возрадовался, и начахъ ты лобызати и обмывати со умиленными глаголы. И видѣлъ на брюхѣ твоемъ язву зѣло велику, исполнену гноя многа, и убоявся вострепетахъ душею своею, и положихъ знакъ на войлокъ свой, на немъ же молитвы и поклоны творю, и начахъ язву на брюхѣ твоемъ слезами моими кропляти, а руками сводити: и бысть цѣло брюхо и здраво, яко николиже болѣ. Душа же моя возрадовася о Господѣ и о здравіи твоемъ зѣло. И паки поворотихъ тя вверхъ спи-

ною твоею, и видѣхъ спину твою сгнившу паче брюха и язва больши первыя явися. Мнѣ же тако плакавшуся, рукама своима (сводящу) язву твою спинную, и мало мало по-сошлася, и не вся исцѣлѣ. И очутихся отъ видѣнїя того, не исцѣлихъ ты всего здрава до конца. Нѣтъ, государь, болши покинуть плакать о тебѣ: вижу, не исцѣлить тебя“. Но не смотря на это послѣднее заявленіе, Аввакумъ однако опять обращается къ царю съ разсказами, которые ясно говорятъ, какой великій угодникъ предъ Богомъ Аввакумъ, и что царю слѣдуетъ его во всемъ слушаться. Именно здѣсь онъ разсказываетъ, какъ Богъ вмѣстилъ въ него, протопопа Аввакума, небо, землю и всю тварь и что власть его несравненно шире власти царя, который владѣетъ только одною русскою землею, тогда какъ, говоритъ про себя Аввакумъ, „небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь—Богъ мнѣ далъ“. Затѣмъ разсказываетъ царю и еще объ одномъ необыкновенномъ видѣнїи, которое случилось послѣ его разстриженія, и когда ему изъ облака явилась госпожа Богородица и потомъ, съ силами многими, самъ Христосъ, рекшій ему: „не бойся Азъ есмь съ тобою“. Понятно, что всѣ три видѣнїя разсказаны были Аввакумомъ царю съ единственною очевидною цѣлю: заставить царя сдѣлать тотъ шагъ, благодаря которому молящійся за него, несомнѣнный великій угодникъ Божій, Аввакумъ, исцѣлить его окончательно отъ того тяжкаго недуга, въ который онъ впалъ благодаря Никону. Но Алексѣй Михайловичъ не только не хотѣлъ сдѣлать этого шага, на который такъ усиленно толкалъ его Аввакумъ, но и до конца своей жизни остался во всемъ вѣренъ никоніанству, не обративъ никакого вниманія на посланіе Аввакума, и даже не заботился, хотя бы сколько нибудь, облегчить тяжелое положеніе заключеннаго, который, повидимому, на это сильно рассчитывалъ ¹⁾.

Въ виду полной неудачи посланія къ царю изъ Пустозерска, Аввакумъ окончательно разочаровался въ Алексѣя Михайловича, и съ этого времени круто измѣнилъ къ нему свои отношенія, которыя, впрочемъ, теперь приходилось ему проявлять только въ своихъ письменныхъ произведенїяхъ,

¹⁾ Матер. V, 142—154.

обращавшихся между его почитателями, такъ какъ всякія непосредственныя сношенія съ царемъ прекратились навсегда. Эта перемяна въ отношеніяхъ Аввакума къ царю Алексѣю Михайловичу очень характерна и любопытна.

Ранѣе Аввакумъ питаль особое, теплое расположеніе къ Алексѣю Михайловичу, считаль его человѣкомъ добрымъ и особенно расположеннымъ къ нему—Аввакуму. Вездѣ онъ называетъ его: „свѣтикъ-государь“ или просто—„свѣтъ-государь“, „благочестивѣйшій и православнѣйшій“, а иногда—фамильярно: „миленькій“, „Михайловичъ“ и даже—„Алексѣюшко“. Вся бѣда его миленькаго царя заключалась, по тогдашнему мнѣнію Аввакума, въ томъ, что онъ поддался вліянію нечестиваго Никона, который вкрался въ его довѣріе и оболъстилъ его царскую благочестивую душу. „Завель его, говоритъ Аввакумъ, собака Никонъ-то за мысь, а то онъ доброй человѣкъ былъ. Знаю я ево“. „Умъ отняли у милого (т. е. царя), у нынѣшняго, какъ близъ его былъ. Я вѣдь тутъ тогда былъ, все вѣдаю“, увѣряетъ онъ. „Житіе (царя) было и нарочито исперва, да расказилъ собака Никонъ еретикъ“. „И царя—тово врагъ Божій (т. е. Никонъ) омрачилъ, да къ тому величаетъ, лстя, на переносѣ: благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго государя нашего, тако-сякаго, великаго,—больше всѣхъ святыхъ отъ вѣка!—да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, всегда и нынѣ и присно во вѣки вѣковъ... А царь-тъ, ветъ, иронически замѣчаетъ Аввакумъ, въ тѣ поры чаеть и мнитъся быт-то и впрямь таковъ, святѣе его нѣтъ! А гдѣ пуци гордости той?“ Даже въ запискѣ, которая была подана собору 1667 года, Аввакумъ обвиняетъ только Никона, а царя оправдываетъ. Онъ заявлялъ: „государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, православенъ, но токмо простою своею душею принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая ихъ православны, не разсмотря плевелъ еретическихъ въ книгахъ, виѣшнихъ ради браней, понялъ тому вѣры, и впредь чаю по писанному: праведникъ аще падеть не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его“¹⁾.

Свои доброжелательныя отношенія къ царю Аввакумъ из-

¹⁾ *ibid.* стр. 388. VIII, 29, 35, 37. II, 22—23.

мѣнили на рѣзко-враждебныя и оскорбительно-пренебрежительноныя, когда окончательно убѣдился, что царь ему, Аввакуму, совсѣмъ не подчиняется, не желаетъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія, что онъ всецѣло и сознательно—убѣжденно преданъ реформѣ Никона, которую онъ будетъ всячески поддерживать и укрѣплять. Тогда-то у Аввакума о царѣ, его отношеніи къ Никону и реформѣ, слышались другія рѣчи, нежели какія онъ говорилъ по поводу повѣсти. Теперь Аввакумъ сталъ заявлять, что царь не былъ соблазненъ и обманутъ Никономъ, а дѣйствовалъ за одно съ нимъ вполне сознательно и добровольно, только сначала изъ подтишка, а потомъ уже явно и открыто, такъ что за церковныя новшества отвѣчаетъ уже не одинъ Никонъ, но вмѣстѣ съ нимъ и въ той же степени и царь. „Во 160 году, теперь повѣствуетъ Аввакумъ, поставленъ бысть Никонъ патріархомъ при царѣ Алексіѣ: и начаша оба, патріархъ и царь, казати въ Русіи христіанскую вѣру!.. И сперва царь, до соборища того, будто и не ево дѣло, а волю Никону всю далъ, вору. Онъ же, со діаволомъ на складу, что захотѣлъ, то и дѣлалъ: въ седми лѣтѣхъ своя власти вся превратилъ въ церкви, и бысть вся горняя долу. Потомъ и соборище собра царь Алексій на подкрѣпленіе тоя бл. въ лѣта та, яже Богословъ назнаменуеть: число бо человѣческое, и число его 666... Два рога у звѣря—двѣ власти знаменуеть: единъ побѣдитель, Никита по алфавиту, или Никонъ, а другій пособитель, Алексій, пишется въ книгахъ рожка круглики въ космахъ, яко у барашка, добродѣтель знаменуеть, лъстя житіемъ, являясь добрымъ, бодый церковь рогами и уставы ея стирая... Егда любленье сотвориша, яко Пилать и Иродъ, тогда и Христа распяша: Никонъ побѣждать началъ, а Алексій пособлять исподтиха. Тако бысть исперва. Азь самовидѣць сему“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ: „пьянъ ты, упиася еси отъ жены любодѣицы, сѣдящія на водахъ многихъ и ѣдящія на звѣри червленѣ. Зѣло пряно вино и пьяно питіе у бл... Нарядна воръ-бл.; въ царской багрянницѣ ѣздитъ и изъ золотой чаши подчиваетъ. Упоила римское царство и польское и многіе окрестныя, да и въ Русь нашу пріѣхала во 160 году, да царя съ царицею и напоила: такъ онъ (т. е. царь) и пьянъ сталъ; съ тѣхъ мѣстъ не прспитса; безпрестанно пьетъ кровь святыхъ свидѣтелей Ісусу

совыхъ“. Или, напримѣръ, Аввакумъ разсуждаетъ: „нынѣ у нихъ (никоніанъ) все наось, да поперегъ; жива челоуѣка въ лицо святымъ называѣ, коли и пропадетъ. Въ помяникѣ напечатано сиче: помолимся о державномъ *святюмъ* государѣ царѣ. Вотъ, какъ не бѣда челоуѣку! А во отечникахъ писано: егда-де въ лицо челоуѣка похвалишь, тогда сатанѣ его словомъ предаешь. Отъ вѣка нѣсть слыхано, кто бы себя велѣлъ въ лицо святымъ звать, развѣ Навходоносоръ вавилонскій! Да досталось ему безумному! Семь лѣтъ быкомъ походилъ по дубравѣ, траву ядыше плачучи... А то приступу не было: Богъ есмь азъ! Кто мнѣ равень? Развѣ Небесный! Онъ владѣеть на небеси, а я на земли равень Ему! *Такъ то и нынѣ блиско тово*“. Еще въ одномъ мѣстѣ Аввакумъ замѣчаетъ о царѣ: „накудесилъ много, горюнь, въ жизни сей, яко козель скача по холмамъ, вѣтры гоня, облетая по аеру, яко пернатъ, ища станъ святыхъ, како бы ихъ поглотити *и во адъ съ собою свести*“¹⁾.

Какъ скоро Аввакумъ призналъ царя наравнѣ съ Никономъ однимъ изъ сознательныхъ виновниковъ произведенной церковной реформы, то ему вполне естественно было признать Алексѣя Михайловича, какъ и Никона, челоуѣкомъ нечестивымъ, заслуживающимъ всякихъ порицаній и каръ. Превжній „благочестивѣйшій, православнѣйшій“ государь Алексѣй Михайловичъ, теперь, увѣряетъ своихъ послѣдователей Аввакумъ, находится, вмѣстѣ со всѣми властями, уже въ свитѣ самого антихриста. Вотъ какую характерную картину изображаетъ предъ нами Аввакумъ. „А я, братія моя, говоритъ онъ, видалъ антихриста—тово, собаку бѣшеную,—право видалъ, да и сказать не знаю какъ. Нѣкогда мнѣ печалну бывшу и помышляющу, какъ приидеть антихристъ врагъ послѣдній и коимъ образомъ, да сидя, молитвы говоря, и забыхя: понеже не могу стояти на ногахъ,—сидя молюся окаянный. А се на полѣ нечистомъ много множество людей вижу. И подлѣ меня нѣкто стоитъ. Я ему говорю: чего ради людей много въ собраніи? Онъ же отвѣща: антихристъ грядеть, стой не ужасайся. Я подперся посохомъ своимъ двоерогимъ протопопскимъ, сталъ бодро: ано ведутъ ко мнѣ два въ бѣлыхъ ризахъ нагово челоуѣка,—плоть-та у

¹⁾ *ibid.* V, 229—230. VIII, 6, 36, 41.

него вся смрадна, зѣло дурна, огнемъ дышитъ изо рта и изъ ноздрей, изъ ушей пламя смрадное выходитъ. *За нимъ царь нашъ и власти* со множествомъ народа. Егда ко мнѣ привели его: я на него закричалъ и посохомъ хочу его бить. Онъ же мнѣ отвѣщаль: что ты, протопопъ, на меня кричишь? Я нехотящихъ не могу обладати, но волею послѣдующихъ ми, сихъ во области держу. Да изговоря, палъ предо мною, поклонился на землю. Я плюнулъ на него, да очнулся; а самъ воздрогнулся и поклонился Господеви. И дурно мнѣ силно стало и ужасно; да нечего на то глядѣть“ ¹⁾).

Но особенно свое грубо-циничное отношеніе „къ свѣтику“ и „миленькому“ государю Алексѣю Михайловичу Аввакумъ высказываетъ въ двухъ случаяхъ: въ посланіи къ нѣкому Симеону и въ толкованіи притчи Господа о Лазарѣ и богатомъ. Въ посланіи къ Симеону Аввакумъ, прямо не называя себя и Алексѣя Михайловича, сопоставляетъ себя съ Николаемъ чудотворцемъ, а Алексѣя Михайловича изображаетъ подъ видомъ царя-мучителя Максимиана. „Никола чудотворецъ, говорилъ Аввакумъ, и лутчи меня, со христіаны сидѣлъ пять лѣтъ въ темницѣ отъ Максиміана мучителя; да то горкое время пережили, миленькіе, а нынѣ радуются радостію неизглаголанною и прославленною со Христомъ. А мучитель реветъ въ жупелѣ огня. На-вотъ тебѣ столовые долгіе и бесконечныя пироги, и меды сладкіе, водка процѣженная съ зеленымъ виномъ! А есть-ли подъ тобою, Максиміанъ, перина пуховая и возглавіе? И евнухи опахиваютъ твое здоровье, чтобъ мухи не кусали великаго государя? А какъ тамъ с.ть-то ходишь, спальники ребята подтираютъ ли г.но-то у тебя въ жупелѣ томъ огненномъ? *Сказалъ мнѣ Духъ Святый*: нѣтъ-де тамъ ужъ у васъ робять тѣхъ,—всѣ здѣсь остались, да уже-де ты и не с...шь кушанья тово, намалѣ самага кушаютъ черви великаго государя ²⁾. Бѣдной, бѣдной, безумной царिशко! Что ты надъ собою сдѣлалъ? Ну гдѣ нынѣ свѣтлоблещающіяся ризы и уряженіе коней?

¹⁾ Матер. № 362—363.

²⁾ Это мѣсто у Аввакума характерно въ томъ отношеніи, что свои грубыя и прямо циничныя картины, созданныя его больною и очень неопратною фантазією, онъ признаетъ за внушенныя ему Духомъ Святымъ это „сказалъ мнѣ Духъ Святый“, заявляетъ онъ.

Гдѣ златоверхіе палаты? Гдѣ строеніе сель любимыхъ? Гдѣ сады и преграды? Гдѣ багряноносная порфира и вѣнецъ царской, бисеромъ и каменіемъ драгимъ устроенъ? Гдѣ жезлъ и мечъ, имже содержаль царствія державу? Гдѣ свѣтлообразныя рынды, яко ангелы предъ тобою оруженосцы попархивали въ блестящихся ризахъ? Гдѣ вся затѣи и заводы пустошнаго сего вѣка, о нихже упражнялся невестягнувенно. оставя Бога, яко идоломъ бездушнымъ служаше? Сего ради и самъ отриновень еси отъ лица Господня во адъ кромѣшный“. Всю эту грубо-циничную выходку противъ „добренькаго“ и „миленькаго“ государя Алексѣя Михайловича, Аввакумъ заканчиваетъ такимъ достойнымъ его обращеніемъ къ царю: „Ну, сквозь землю пропадай, бл...ть сынъ! Полно христіяня-то мучить! Давно тебя ждетъ матица огня!“ По поводу притчи Спасителя о богатомъ и Лазарѣ Аввакумъ рассуждаетъ, имѣя въ виду царя Алексѣя Михайловича: „видите ли, братіе, како смири его (богатаго) мука? Прежде даже предъ очима не видѣлъ Лазаря гнойнаго: а нынѣ зрить издалече, и милъ ся дѣетъ ко Аврааму, а Лазарю говоритъ соромъ, понеже не сотворилъ добра ничтоже. Возми,—пойдетъ Лазарь въ огонь къ тебѣ съ водою! Каковъ самъ былъ милостивъ: вотъ твоему празднеству отданіе! Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди и гуси, и рафленые куры: вотъ тебѣ въ то мѣсто жару въ горло, губитель души своей окаянной! Я, замѣчаетъ о себѣ Аввакумъ, не Авраамъ,—не стану чадомъ звать: *собака ты!* За что Христа не слушаль, нищихъ (т. е. Аввакума и его друзей) не миловаль. Полно милостивая душа Авраамъ—отъ милюшкой,—чадомъ зоветъ, да разговариваетъ быть-то съ добрымъ человѣкомъ. Плюнулъ бы ему въ ролю-то и въ брюхо-то толстое пхнулъ-бы ногою! Да что говорить?—по себѣ я знаю: хотя много досадить никоніанинъ (разумѣется царь), да какъ пришлетъ съ лестію бывало: вѣдаю твое чистое непорочное и благоподражательное житіе, помолись обо мнѣ, и о дѣтяхъ, и благослови насъ!—такъ мнѣ жаль станеть, плачу предъ Богомъ о немъ“.—Наконецъ Аввакумъ, ссылаясь на бывшее ему отъ Бога видѣніе, уже окончателно и на всегда сажаетъ умершаго Алексѣя Михайловича прямо въ адъ. Въ посланіи къ царю Феодору Алексѣевичу Аввакумъ пишетъ: „Богъ судить между мною и царемъ Алексѣемъ.“

Въ мукахъ онъ сидитъ,—*слышалъ я отъ Спаса*: то ему за свою правду. Иноземцы (т. е. греческіе іерархи на соборѣ 1667 года), что знаютъ, что велѣно, то и творили. Своего царя Константина, потерявъ безвѣріемъ, предали турку, да и моего Алексѣя въ безуміи поддержали,—костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!“ Или, напри- мѣръ, толкуя псаломъ и обращаясь какъ бы къ стоящему передъ нимъ царю, говорить: „за что ты здѣсь отщенился отъ Христа, и пречистую икону Богородичну со престола согналъ и прочія ереси любезнѣ держалъ, а правовѣрныхъ пекъ и огнемъ палилъ? Будетъ ти и самому жарко въ день лють отъ Господа; а печеные те отъ вѣры живы будутъ тамъ“¹⁾.

Аввакумъ, до самаго послѣдняго времени, видѣлъ главную опору и защиту для себя и всего своего дѣла только въ царѣ, котораго онъ ранѣ всегда рассчитывалъ привлечь на свою сторону, почему онъ всячески и побуждаетъ царя взять въ свое исключительное вѣдѣніе всѣ церковныя дѣла и вести ихъ по своему царскому усмотрѣнію, не обращая вниманія на архіереевъ. Такъ въ своей челобитной государю, поданной имъ въ Москвѣ по возвращеніи изъ Сибири, онъ взываетъ: „потщися, государь, исторгнути злое ево (Никона) и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не прииде, и огонь съ небесе, или моръ древній, и прочая злая насъ не постигло. А егда сіе злое кореніе изсторгнемъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ, яко же и прежде никонова патріаршества было, и агарянскій мечъ Богъ уставитъ исподобитъ насъ получитьи вѣчная благая“. Въ другой челобитной, поданной государю тогда же въ Москвѣ, говорить: „аще архіереи исправитъ не радятъ, поне ты, христолюбивый государь, ту церковь отъ таковыя скверны потщися очистить, да въ державѣ царствія твоего въ вѣрныхъ людехъ соблазнъ потребится, да и отъ Бога милости сподобишся“. Въ посланіи изъ Пустозерска Аввакумъ рѣшительно заявляетъ царю: „все въ тебѣ, царю, дѣло затворися и о тебѣ единомъ стоитъ“. Но когда наконецъ Аввакумъ увидалъ и убѣдился, что царь не только не думаетъ уничтожать „никоновы загѣйки“ и возвращаться къ старому, а совершенно наоборотъ: всячески заботится

¹⁾ Матер. №, 157, 211—212, 337. VIII, 14.

объ укрѣпленіи церковной реформы и объ окончательномъ признаніи ее всею церковію, и что надежды его—Аввакума на царя никакъ не могутъ оправдаться, онъ сейчасъ же мѣняетъ свой взглядъ на отношеніе царя къ церковнымъ дѣламъ и уже заявляетъ теперь, что царь не имѣетъ никакого права и никакъ не долженъ заправлять и руководить церковными дѣлами, что это дѣло не царя, а архіереевъ. Теперь онъ сурово обращается къ царю: „въ коихъ правилахъ писано царю церковію владѣть и догматы измѣнять, святая кадитъ? Толко ему подобаетъ смотреть и оберегать отъ волкъ, губящихъ ея, а не учить, какъ вѣра держать и какъ персты слагать. Се бо не цареву дѣло, но православныхъ пастырей и истинныхъ архіереевъ, иже души свои полагаютъ за стадо Христово“ ¹⁾.

Аввакумъ окончательно разочаровался въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, ясно увидѣлъ, что тотъ твердо и неуклонно стоитъ и останется навсегда убѣжденнымъ сторонникомъ реформы Никона и никогда не воротится къ старымъ церковнымъ до иконовскимъ порядкамъ. Однако это не убило вѣры Аввакума, что та церковная старина, за которую онъ борется и страдаетъ, все-таки въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ никоніанствомъ, и если не при Алексѣѣ Михайловичѣ, то при его сынѣ. При объясненіи одного псалма Аввакумъ обращается къ Алексѣю Михайловичу съ рѣчью: „перестань-ко ты насъ мучить—тово!.. Ты, пожалуй, распусти иныхъ—тѣхъ при себѣ... Сынъ твой, послѣ тебя, распустишь же о Христѣ всѣхъ страждущихъ и вѣрныхъ (вѣрующихъ?) по старымъ книгамъ въ Господа нашего Ісуса Христа. На шестомъ соборѣ бысть же сіе,—Константинъ Брататыи проклялъ же мучителя, отца своего, еретика, и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животь дарова. *Тако глаголетъ Духъ Святой мною грѣшнымъ рабомъ своимъ: и здѣсь тоже будетъ послѣ тебя!*“ Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ: „не оскудѣетъ, по словеси Божію, старое наше православіе молитвами св. отецъ, а ваше собачье никоніанское умышленіе скоро изводъ возметъ: не будетъ яко мирсина и кипарисъ, но яко невѣрія паки въ пруть иссохнетъ и въ прахъ разыдется и провоняетъ, яко мертвый песь. Всякъ любяи

¹⁾ Матер. V, стр. 131, 139, 146. VIII, стр. 37—38.

вѣру никоніанскою, не будетъ яко мирсина; никако, но яко Формось папа, законоположникъ римскаго стола, по смерти провонялъ и смрадомъ своимъ весь градъ огнусилъ и ко издохновенію приведъ, даждеже Стефанъ попа въ Тиверь рѣку смрадное тѣло ввергъ. Тако и нынѣшнихъ московскихъ законоположниковъ новыхъ, съ Никономъ врагомъ, ввержетъ послѣдній родъ въ Москву рѣку, и прахъ ихъ лопатами загребуть—бл.....ъ дѣтей, провонялыхъ душъ. Адомъ воняютъ всѣ, не лгу никакъ, я ихъ знаю, водился съ ними“¹⁾. Эта вѣра Аввакума, что его дѣло въ концѣ несомнѣнно восторжествуетъ, была безусловна необходима въ его положеніи, такъ какъ страдать и бороться совсѣмъ даромъ, за дѣло уже совершенно проигранное, было бы невозможно, какъ ему невозможно было бы, безъ такой увѣренности, смѣло и спокойно взойти на костеръ.

Н. Кантеевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ibid. VIII, 45. А. К. Бороздина: Протопоцъ Аввакумъ, прилж. стр. 56—57, изд. 1900 г.